

Идентичность цивилизационного уровня в социокультурном «пограничье»: Россия, Латинская Америка и Иберийская Европа в сравнительно-историческом контексте

Я. Г. Шемякин
(Россия)

Resumen

En el artículo es realizado el análisis comparativo de los rasgos específicos de los problemas de la identidad en Rusia, la América Latina y Europa Ibérica. España y Portugal son examinadas como dos distintos, pero inseparablemente vinculadas hipóstasis de la Europa Ibérica. Todas estas comunidades histórico-culturales son caracterizadas por el autor como las civilizaciones del tipo especial «fronterizo». El carácter específico de los procesos de las identificaciones en ellas es condicionado por las características estructurales de este tipo, ante todo la dominante de la variedad, que se manifiesta en lo que la realidad sociocultural del mundo «fronterizo» es el nudo más difícil de la intercomunicación de las formas distintas de la interacción de las tradiciones diversas. El papel clave entre ellas juega la simbiosis sociocultural. En los límites de la simbiosis cada uno los participantes del contacto conserva su propia identidad. En este escorzo la realidad de las civilizaciones «fronterizas» de Rusia, la América Latina y Europa Ibérica aparece como el entrelazamiento de distintas identidades. Sin embargo, a pesar de la dominante de la variedad, la unidad de sus sistemas socioculturales es completamente real también. Por eso la esfera identificacional de los mundos dados humanos es irreducible a la suma de las identidades de sus componentes. En cada uno de ellos hay un alma general identificacional que asegura conjuntamente todos otros componentes de la esfera identificacional. Este alma se manifiesta en el nivel civilizacional de la identificación.

Особенность проблематики идентичности (в социокультурном плане) в России, Латинской Америке и Иберийской Европе (двумя различными, но неразрывно связанными ипостасями которой являются Испания и Португалия) обусловлены спецификой их цивилизационного статуса. Все три вышеперечисленные культурно-исторические общности являются цивилизациями «пограничного» типа. Определяющая характеристика цивилизационной «пограничности» - особое, существенно отличное от того, что можно наблюдать в великих «классических» цивилизациях Востока и Запада, соотношение начал (принципов) единства (целостности) и многообразия (гетерогенности) в цивилизационной системе: доминанта начала многообразия при том, что единство тоже вполне реально (Шемякин, 2007, с.75-76).

Для того, чтобы проиллюстрировать последний тезис, приведу высказывания одного из наиболее глубоких отечественных мыслителей рубежа 2ого и 3его тысячелетий христианской эры – Г.С.Померанца. Акцентируя внимание на том, что различные «слои» культурно-исторического «тела» России, ставшие его неотъемлемой органической составляющей, представляют собой результат восприятия иноцивилизационных воздействий (византийского, татарского и западного), Померанц находит тем не менее очень емкий и точный образ-символ, характеризующий специфику цивилизационного статуса России.

По его определению, «Россия - страна, складывавшаяся на перекрестке миров, и легко втягивалась то в один, то в другой мир. От этого опыта пласты русской культуры, ни один из которых не может быть отброшен, как шелуха, чтобы открыть ядро. Россия-луковица. Целостность луковицы - это единство всех ее слоев. Каждая попытка отбросить что-то как наносное (или устаревшее) разрушает целое» (Померанц, 2003, с. 152).

Но ведь от того, что в луковице нельзя обнаружить никакого «ядра» или «центра», и, соответственно, ни один из слоев не является менее важным, чем другие, «периферийным» по отношению к ним, она не перестает быть чем-то целостным, то есть, собственно луковицей, а не помидором или яблоком. Следовательно, речь должна идти об особом типе целостности, качественно отличном от того, который представлен великими «классическими» мировыми цивилизациями – «субэкуменами» - четырьмя «культурными мирами» в классификации Померанца (западнохристианским, индо-буддийским миром Южной Азии, конфуцианско-буддийским миром Восточной Азии и миром ислама) (Померанц, 1995, с. 338-345). Эту специфическую разновидность цивилизаций, основанную на принципиально ином, чем у субэкумен, типе целостности, я условно называю «пограничными».

Существует целый ряд определяющих признаков, которые объединяют Россию с другими представителями «пограничного» цивилизационного типа. Также, как и Россия-Евразия, это – «миры-луковицы». Позволю себе проиллюстрировать данное утверждение словами Л.Сea, практически полностью совпадающими по смыслу с приведенными высказываниями Померанца. Характеризуя определяющую черту человеческого мира Латинской Америки, Сea подчеркивал, что «проблема нашей расовой и культурной метисации столь сложна, что, утверждая одну культуру с тем, чтобы отвергнуть другую, мы тем самым отрицаем самих себя» (Сea, 1984, с. 37).

Четыре субэкумены Померанца - наиболее полное воплощение "классического" цивилизационного типа. Его определяющая структурная характеристика - доминанта принципа единства, который довлеет над многообразием.

Следует особо подчеркнуть, что доминанта единства, наличие относительно монолитной культурно-религиозной основы не означает единообразия. Эта основа может быть представлена самыми различными традициями и направлениями, однако все они едины в подходе к решению ключевых, коренных проблем-противоречий человеческого существования.

В противоположность этому, в «пограничных» цивилизациях цельная, относительно монолитная духовная основа отсутствует. Религиозно-цивилизационный фундамент состоит из нескольких качественно различных частей, разделенных глубочайшими трещинами, вследствие чего основание всей цивилизационной конструкции внутренне неустойчиво. К этому цивилизационному типу исторически принадлежали эллинистическая и наследовавшая ей византийская цивилизации. В настоящее время цивилизационное "пограничье" представлено Россией-Евразией, Латинской Америкой и Балканской культурно-исторической общностью. Вплоть до второй половины XX в. к типу "пограничных" образований полностью принадлежала и Пиренейская Европа. В последние десятилетия XX - начале XXI вв. определяющей тенденцией ее цивилизационного развития стал процесс

интеграции в западную субэкумену, который, однако, отнюдь не завершен: сохраняется и контртенденция к сохранению и воспроизведению "пограничного" цивилизационного качества.

В цивилизационных системах этого типа нет какой-то одной господствующей Большой Идеи, пронизывающей собой (как в "классическом" типе) все многообразие составляющих цивилизацию элементов и выступающей в качестве архетипа, положенного в ее основу. В цивилизационном "пограничье" само взаимодействие разнородных начал выступает в качестве базового архетипа. Архетип предстает в данном случае не как *результат* взаимодействия, ставший его инвариантным фактором, "отлитый" в определенные устойчивые символические формы, а как *процесс* взаимодействия (Шемякин, 2001; 2007, с. 75-84; 2008, с.100-148; 2009 с.112-124; 2013, с. 23-45; 2014^a, с.119-129; 2014^b, с.149-161; 2016, с.154-180; 2017, с. 5-14). Сама действительность "пограничных" цивилизаций являет собой сложнейший узел различных типов взаимодействия качественно разнородных традиций, главными из которых являются противостояние, симбиоз и синтез культур (Шемякин, 2001). В цивилизационном «пограничье» основную роль играл и играет симбиотический тип взаимосвязи и взаимодействия разнородных составляющих цивилизационного целого. Специфика симбиоза – в том, что участники контакта уже соединены здесь неразрывной системной связью, однако при этом каждый остается самим собой, а нового культурного качества, отличного от тех традиций, которые изначально вошли в соприкосновение, не возникает. В контексте рассматриваемой темы это означает, что каждый из участников взаимодействия сохраняет в рамках симбиоза собственную идентичность.

В этом ракурсе действительность «пограничных» цивилизаций России, Латинской Америки и Пиренейской Европы предстает как переплетение различных идентичностей. Вместе с тем реальность единства даже в условиях доминанты многообразия свидетельствует о том, что существует некий общий контур, охватывающий это многообразие. Следовательно, идентификационная сфера рассматриваемых человеческих миров несводима к сумме идентичностей их составляющих, у каждого из них существует общий идентификационный стержень, скрепляющий их в некое единое целое, пусть и крайне противоречивое. И этот стержень обнаруживает себя именно на цивилизационном уровне идентификации и находится в крайне сложном соотношении с иными уровнями идентификации – как индивидуальной, так и коллективной (этнической, языковой, гражданской, религиозной, территориальной и др.) (Bolívar Echeverría, 2005, с.57-70; Шемякин, 2017, с. 5-14). Идентичность цивилизационного уровня в «пограничных» общностях проявляется не только в подходе к решению ключевых проблем человеческого существования, но и в особом способе взаимосвязи сторон тех острейших противоречий, из которых буквально «соткана» социальная ткань цивилизационного «пограничья», определенном С.С.Аверинцевым как «взаимоупор» (Аверинцев, 1997, с. 250, 252).

***

Каким же образом достигается и как проявляется подобный «взаимоупор»? Для «пограничных» цивилизаций характерны одновременно повышенная (по сравнению с великими «классическими» цивилизациями Запада и Востока) роль внешних факторов, бóльшая проницаемость для внешних влияний (что является прямым следствием отсутствия монолитной духовно-ценностной основы в

условиях доминанты многообразия) и повышенная (опять же по сравнению с «классическими» цивилизациями) способность к переработке этих влияний в соответствии с логикой местной социокультурной «почвы», в конечном счете – к превращению «внешнего» во «внутреннее». Обе эти характеристики одинаково органичны для «пограничной» цивилизационной реальности и служат основой для противоположных тенденций: стремления к максимальной открытости миру и к ревностной защите собственной самобытности.

Подобное сочетание, «взаимоупор» противоположных ориентаций сознания и поведения оказался возможен, в свою очередь, в силу наличия такой характеристики цивилизационных «пограничий», как повышенная (как и во всех остальных случаях, по сравнению с «классическими» цивилизациями) проницаемость внутренних границ в культуре, пролегающих в условиях подобных «пограничий» не только между отдельными индивидами и человеческими общностями, носителями тех или иных традиций, но и в душах людей.

Наличие качества повышенной проницаемости внутренних границ в культуре, в свою очередь, обусловлено формированием в духовном космосе «пограничных» цивилизаций еще одной важнейшей характеристики: повышенного уровня оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера, прежде всего – сакральными символами. Оперировать знаковыми структурами не могут общность или социальный институт. Это могут делать только конкретные живые люди. В силу этого обеспечить повышенный уровень оперирования подобными структурами оказалось возможным лишь в случае кардинального изменения (по сравнению с «классическими» цивилизациями) соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса – личностного (индивидуального) и надличностного – в пользу первого.

Наличие вышеперечисленных характеристик прямо обуславливает специфику идентификационной сферы во всех рассматриваемых культурно-исторических общностях. Главные черты этой специфики:

- отчетливо проявляющаяся тенденция к относительно (опять же по сравнению с классическим цивилизационным типом) частой смене образов идентичности при сохранении единого идентификационного стержня на цивилизационном уровне («пять Россией» Н.А.Бердяева, различные «проекты» устройства латиноамериканской действительности у Л.Сеа, смена различных самообразов Испании на протяжении ее истории и т.д.);

- повышенная (по сравнению с «классическими» цивилизациями) значимость индивидуального уровня идентичности – черта, характерная для цивилизационного «пограничья» на всем протяжении его истории, а в электронную эру ставшая общей чертой цивилизационного процесса повсюду в мире (в силу того, что современные технологии резко расширили сферу самоидентификации отдельной личности – вплоть до возможности смены первичной идентичности, обусловленной принадлежностью человека к той или иной традиции).

Все перечисленные характеристики являются общими для всех трех рассматриваемых «пограничных» цивилизаций. Однако подчеркивание этих общих черт отнюдь не означает игнорирования существенных различий: бесспорно, это совершенно разные человеческие миры. Главные из отличий:

- разный масштаб. Планетарный масштаб латиноамериканистской и российско-евразийской цивилизаций и региональный масштаб ибероевропейской культурно-исторической общности. Впрочем, здесь следует сделать существенную оговорку: в данном случае речь идет об особом типе регионализма – о регионализме с глобальной проекцией. Но эта тема требует отдельного подробного рассмотрения.

- преобладание в цивилизационном процессе на Пиренейском полуострове тенденции к интеграции в западную субэкумену, в отличие как от России, так и от Латинской Америки, где сохраняются (а с рубежа XX-XXI вв. усиливаются) тенденции к утверждению собственной цивилизационной самобытности перед лицом Запада.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. BOLÍVAR ECHEVERRÍA, 2005: «La múltiple modernidad de América Latina». *Contrahistorias. La otra mirada del Clío*. №4, p. 57-70.
2. АВЕРИНЦЕВ, С.С., 1997: *Поэтика ранневизантийской литературы*. М., Coda.
3. ПОМЕРАНЦ, Г.С., 1995: «Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур». Померанц, Г.С., *Выход из транс*, М., Юрист, сс. 338-345.
4. ПОМЕРАНЦ, Г.С., 2003: *Великие нации живут мировыми задачами. Западники и националисты: возможен ли диалог?*, М., ОГИ.
5. СЕА, Л., 1984: *Философия американской истории*. М., Прогресс.
6. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2001: *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. М., Наука.
7. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2007: «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции». *Латинская Америка*. №7, сс. 75-84.
8. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2008: «Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции». *Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций*. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», сс. 100-148.
9. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2009: «Граница (процесс перехода и тип системности)». *Общественные науки и современность*. № 5, сс. 112-114.
10. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2013: «Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы». *Диалог со временем*, 42. М., ИВИ РАН.
11. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2014^a: «Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе (О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта)». *Общественные науки и современность*, № 2, сс. 113-123; № 3, сс. 119-129.
12. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2014^b: «Мыслеобраз границы: социокультурные проекции». *Przegląd wschodnioeuropejski (East European Review)*. V/1. С. 149-161.
13. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2016: «Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова». *Мир России*. № 1, сс. 154-180.
14. ШЕМЯКИН, Я.Г., 2017: «И вновь о Латинской Америке, одновременно единой и многообразной». *Латинская Америка*, №3, сс. 5-14.